

ЮРИЙ СОКОЛОВ

СВОЯ ИГРА - 7

МЕЖДУ
СМЕРТЬЮ И СМЕРТЬЮ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Соколов

**Своя игра – 7. Между
смертью и смертью**

«Автор»

2026

Соколов Ю.

Своя игра – 7. Между смертью и смертью / Ю. Соколов —
«Автор», 2026

Земли войны зачастую остаются непригодными для жизни и после окончания боевых действий. Они идеально подходят лишь для самоубийц с нестандартными вкусами. Если хочешь внезапно погибнуть, причем обязательно каким-нибудь ужасным образом, отправляйся туда! Бесхозные боевые монстры, смертоносные ловушки, неизлечимые болезни – все будет к твоим услугам. Если же погибать тебя не тянет, держись от тех мест подальше. Что? Не можешь держаться? Квест у тебя там? Ну, дружок, это твои проблемы...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юрий Соколов

Своя игра – 7. Между смертью и смертью

Глава 1

За Горями Разбойничий тракт выглядел примерно так же, как и до них. Древняя дорога прорезала наполненный монстрами лес в основном прямо, делая повороты только по большой необходимости.

Иногда она взбиралась на холмы, поросшие кленами, липами, каштанами. Иногда сползала в низменности, облюбованные ивами, березами, ольхой. Как раз на преодоление низменностей у нас уходило больше всего времени и сил. Здесь некогда добротное, однако давно лишенное присмотра дорожное покрытие скорее мешало, чем помогало двигаться лошадям и повозкам. На слабом, пропитанном водой грунте каменные плиты перекашивало то так, то сяк, и возницы, ругаясь на чем свет стоит, съезжали на плохо расчищенные обочины, потому что протаскать обоз по ним все же оказывалось легче.

Замшелые мосты над сонными реками тоже не могли похвастать идеальной сохранностью: раствор не везде одинаково крепко держал кладку. Через обрушившиеся пролеты гинкмарские крестьяне перебрасывали бревна потолще и укладывали поверху грубый настил. Он быстро сгнивал и ремонтировался обычно уже контрабандистами. Не станешь же днями дожидаться, пока разбойники соберут на работы мужиков. Да тех не всегда и соберешь. У них то посевная, то сенокос, то жатва...

Там, где каменные мосты пришли в полную негодность, а деревянных не построили, приходилось переправляться на плотах или добираться просеками до бродов. Несколько раз случилось влачиться через болота по таким хреновым гатям, что удивительно, как все не утонули в грязи. Что же до любящей сырость нечисти, то она стабильно оказывалась на порядок более мерзкой, чем нечисть возвышенностей.

Тем не менее мы неуклонно приближались к Эльвейскому королевству, которое мне заранее нравилось. Главным образом тем, что проиграв Бальдуру в битвах, так и не смирилось с поражением. Перед оргойцами там склонились — и возненавидели их. Гораздо сильнее, чем ненавидели до войны.

Договор о взаимной выдаче преступников побежденными не соблюдался. Напротив! Любого, напакотившего в землях победителей, они встречали с искренним радушием. Тем большим, чем крупнее за парнем числилась пакость.

Согласно разнесшейся уже всюду молве, я нагадил Оргою как никто другой. Пусть в пользу Тимойского королевства, но это только шло в плюс. До сих пор успешно сдерживающие на своей территории войска Бальдура, тимойцы считались героями во всех восточных государствах. И были их последней надеждой на реванш когда-нибудь. Так что отпетая сволочь в моем лице могла твердо рассчитывать на теплый прием за кордоном. Если только...

— А как поставлена охрана границы? — поинтересовался я у Тарса. — С оргойской стороны, имею в виду.

— Да никак! — с презрением ответил старшой. — Ты глянь внимательно карту, что это за граница. Две трети ее проходят по окраинам Гинкмара, и за ними не следили толком даже во время войны. Стоят там редкие заставы, между которыми изредка шляются патрули численностью в дециму. Подумай, кто от кого спастись должен при случайной встрече, если децима состоит из воинов тридцать пятого уровня, а нарушители прут наподобие нас.

— А последняя треть? — спросил я, памятуя, что именно в том районе Мудовид нащупал владельца эгиды.

— Так мы ж туда не пойдем.

— Мы, конечно, не пойдем. Я один собираюсь наведаться в те места. И слышал от знакомого мага, будто над ними раскинут Покров. Вот и хочется узнать, почему.

— Ты что — жить устал? Не надо туда наведываться!

— Надо или не надо — сам разберусь. А ты, сделай милость, обрисуй уже, что там не в порядке? Правду ли мне маг сказал? И для чего упрятали под Покров весь северо-запад страны?

Тарс насупился.

— Правду, правду говорил тебе твой маг, — пробурчал он. — Видишь ли, к северу от Гинкмара, чуть не до самых Ледяных гор, тянутся так называемые Восточные Рубежи. Это такая оборонительная линия, построенная оргойцами двести лет назад. В те времена считалось неизбежным, что расположенные за ней мелкие монархии рано или поздно объединятся под властью тимойцев. Держава получилась бы могучая! Однако этого не случилось. Защищать укрепления не пришлось, зато оказалось диво как удобно наносить удары из-за них, когда Эльвейское королевство и остальные поддержали Мадуар. Так вышло, что наиболее жестокие бои развернулись именно на эльвейских землях. Оргойцы рассчитывали быстро их пройти, раздавить Шиокию, поставить на колени Гиттерию и достичь Равийского моря. Тем самым перерезав торговые пути, ведущие из Тимоя на юг. Тимой неизбежно пал бы: ведь Равийское море хотя и велико, но не судоходно. Просто огромная мелкая лужа с островами из соли. Доставлять товары по ней нельзя никак.

— Но героические эльвейцы агрессора не пропустили, — ввернул я.

— Не то что бы только они, — внес поправку Тарс. — Там многие восточные дружины сражались. И в первую очередь шиокские. Остальным государствам еще себя защищать требовалось, и войск на помощь Эльвейсу они могли послать чуть-чуть. А Шиокия с Оргоем не граничит. И покровители у нее сильные.

— Оттуда? — спросил я, указывая на небо.

— Нет-нет, — покачал головой Тарс, и ткнул пальцем вниз. — Оттуда.

— Продолжай.

— Сейчас. Жажду залью только... Равийский поход оргойцы провалили, но долго не могли в это поверить. Командующим у них там был маркиз Альберт ван Бейл по прозвищу Таран. Он и действовал как таран: шибанет по врагу, отведет армию за Рубежи, дождется пополнений, и снова вперед! Так длилось несколько лет, пока Бальдур не устал от бравурных докладов Альберта, неизменно заканчивающихся уверениями, что Эльвейс падет с недели на неделю, и нужно лишь последнее усилие. Солдат своих Таран положил неимоверно много. Но, к слову, чужих уничтожил еще больше. Что как бы делает ему честь. Ведь последние полвека эльвейцы строили напротив Восточных Рубежей свои, бывшие для них Западными. А так как оргойцев они боялись куда сильнее, чем когда-то оргойцы их, то и Рубежи получились значительно толще. И Таран четырежды пробивал их на всю глубину, доходя до самой столицы противника, под стенами которой его наконец останавливали. И это — не считая других, менее удачных прорывов. При таком накале наступательных действий, слушай, его потери кажутся весьма умеренными.

— Должно быть, когда Альберта пнули на покой, он написал пламенные мемуары, — предположил я. — И в них утверждал, что если б ему в начале кампании дали столько войск, сколько после прислали пополнений, он бы дошел до Равийской лужи с первой попытки.

— Не знаю, чего он потом писал или не писал, — отмахнулся Тарс. — Полководческого жезла Бальдур лишил его не сразу. Сперва приказал перейти к обороне. Нашел оборонщика, наивный! Таран всегда считал, что лучшая оборона — нападение... Представил дальнейшее? Маркиз продолжал использовать любимую стратегию, а чтобы она не выглядела прямым бунтом против монарха, исключил из нее марши на чужую столицу. То есть теперь, прорвав одну,

две или три линии эльвейской обороны, он совершал рейды вдоль них, надеясь таким способом обескровить врага, и еще через несколько лет Западные Рубежи перестали существовать. Восстанавливать их не успевали, а с землей ровняли регулярно. Как и города в пограничных эльвейских герцогствах. Про деревни я не говорю: их пожгли в первые же месяцы. Крестьяне разбежались по соседним герцогствам. Горожане сдуру замешкались, понадеявшись на крепостные стены, но потом сбежали тоже. А чего ждать, коли вокруг топчутся десять армий, — одна большая воюет против девяти маленьких, — и на тот свет тебя может отправить любая из них? Кто-то разбираться будет, кому шли в мирное время твои подати? Или примет во внимание, что ты сроду не носил доспехов, а меч с кинжалом различаешь только благодаря разной их длине?

— Гражданское население целиком заменили вояки, — резюмировал я. — А они к созиданию не склонны.

— Какое там созидание! — нервно хохотнул Тарс. — Не, ну оно было — только сводилось к воздвижению памятников из чего попало над общими могилами. Все дружины использовали магию — сперва традиционную боевую, а потом любую доступную. Особенно свирепствовали шиокцы — полностью в духе своих покровителей. В итоге округа оказалась загажена так, что участникам действия стало не до войны. Тут тебе и хитрейшие ловушки, одна на другой, и свеженькие рукотворные эпидемии, и целые рати невиданных прежде монстров... Из всей этой прелести только ловушки были привязаны к месту. Остальное расплзлось за пределы зоны боев, как забродившее дерьмо из переполненной выгребной ямы. Во все стороны, то есть и в Оргой. Однако Эльвейскому королевству пришлось хуже, и оно запросило пощады. Был заключен мир, почти честный. И точно взаимовыгодный. Образовавшийся ад на земле отгородили от более-менее пригодных для жизни территорий вывернутым Покровом, на который дают ману обе державы, и еще ближайшиe соседи. Под ним теперь самая большая на Мировом Острове каторга, и самая необычная — Экситиум. Заключенные вооружены до зубов: ведь главная их работа — зачистки. Надзиратели заняты лишь отлечиванием тех, кто до них доползти сумел, да раздачей жратвы и расходников.

— А добровольцев туда пускают?

— Еще бы! Не знают как и заманивать. Хоть в надзиратели иди, хоть в чистильщики. Только желающих мало, особенно на вторую должность. Несмотря на то, что власти смотрят сквозь пальцы на любые паскудства, в том числе на разграбление воинских захоронений. Волонтерами в Экситиум определяются в основном светлые паладины, давшие обеты искоренять все неподобающее в Срединном Пространстве, дворянская молодежь без уделов и мозгов, приключенцы с шилом в жопе, преступники со списком злодеяний длиннее Летописей Аусанга, которых всюду разыскивают настолько рьяно, что им уже похрену, где прятаться, лишь бы спрятаться... Вот такая публика.

Дальше я Тарса расспрашивать не стал. Довольно того, что смогу не только войти под вывернутый Покров — это как раз нетрудно. Но и выйти из-под него. Причем то и другое сделать чин чинарем, официально.

В ничем не примечательный день обоз миновал поворот на дорогу, ведущую к столице Гинкмара. Я с сожалением посмотрел в ту сторону, придержав на несколько секунд Люцифера, — и только. Конечно, было бы здорово навестить непобедимых, вмазать первача с Нагибатором и Мудовидом. Так если бы тем и ограничилось! Влезу же опять в какую-нибудь херь, и квест по эгиде вновь окажется отложен на неопределенный срок.

В последней гинкмарской таверне я приобрел новый магический круг — с теми же свойствами, что и у старого. Скромно обмыв покупку с Гатаном и Тейтусом, проверил снаряжение и ушел в «Путешествие», в котором успел продвинуться до конца первой долины. Во вторую вело уходящее вверх ущелье. Глядя на его крутые склоны, подумал: а не смотаться ли к началу медитации — в точку старта? Портал туда построить смогу... И тут же построил, не сумев

отказать себе в удовольствии. Оправдание бесполезному в целом поступку было хорошим: ведь есть еще здесь местность, в которой не побывал! Та, что находилась у меня за спиной в самый первый заход. Карта показывала, что ничего достойного внимания там нет. Но мало ли что она показывала.

Поначалу прогулка особых открытий не сулила. Я вышел к озеру с камышом по берегам, пересек осиновую рощу и оказался у другого озера, где спугнул стадо оленей. Дальше двинулся по протоптанной ими к водопою тропе, любуясь пейзажными красотами вокруг. Замыкающие долину горы постепенно приближались, и вскоре я оказался в поросших вереском холмистых предгорьях. Впереди возвышалась большая скала с крутыми склонами. Решил дойти до нее, — а когда дошел и обогнул, выяснилось, что она скрывала от глаз вход в пещерный туннель. Я как-то сразу понял, что это именно туннель, пронизывающий весь неприступный горный массив за скалой, а не просто грот или обычная пещера с тупиком в конце. И если достаточно долго идти вперед, то можно выбраться из медитации чисто механическим способом. Просто переставляя ноги.

Неизвестно почему, но это меня обрадовало. Будь я расположен и дальше попусту тратить время, обязательно попробовал бы. А так всего лишь постоял немного, глядя на черный провал, и переместился к ущелью во вторую долину. Туда уходила дорога шириной в две повозки. Оттуда тянуло прохладой и сыростью. Интересно, найдутся там артефакты? Если да, то, наверно, только в малых боковых ущельях по обеим сторонам. И очень далеко. Иначе я загодя узнал бы от жителей близлежащих селений о проблемах с проездом. Или тех, что были, и благополучно разрешены. Или тех, что есть сейчас и ждут разрешения. Не слышал пока о таких артефактах, которые проблем не создавали бы.

Прежде чем тронуться с места, я ненадолго вылез из «Путешествия» и просмотрел обретенные за последнее время умения Велиара. Да я без пяти минут бог — молитесь мне, а не то покараю!.. Ну ладно — не без пяти минут. Это я загнул. И даже не без пяти лет, наверно. Но все равно хорошо. Одна способность к телекинезу чего стоит... Правда, пока могу перемещать лишь сравнительно небольшие штуковины, и на малые расстояния. Но лиха беда начало! Главное, мне по силам манипулировать предметами в полтора центнера, что превосходит вес абсолютного большинства мужиков в доспехах. А с перестановкой гор с места на место можно и повременить. Если она мне вообще понадобится. Я ведь не корректор ландшафта, а воин все-таки. Обрушить гору на кого-нибудь — еще куда не шло. Но тогда этот «кто-то» должен быть достоин горы. Таких существ в Срединном Пространстве сыщется немного, и необязательно затевать склоку хоть с одним. Тем паче что они здесь не живут постоянно, а лишь воплощаются изредка, строго по своим важным делам или волею системы. Скорее всего, если буду благоразумен, самое выдающееся, что мне предстоит совершить с помощью телекинеза в мире смертных, — метнуть дохлого дракона-стражника в темного властелина местного значения. Или дохлого властелина — в недобитого дракона.

На вторую по значимости позицию я бы поставил способность к разрушению чужого волшебства. Но только потому, что первую уже безвозвратно отдал горячо любимому мною телекинезу. Я овладел им раньше, и мог использовать до пяти раз в сутки. А ломать вражьи касты мне позволялось лишь однократно. Из-за этого, а также ради удобства, я и заклинание под способность создал пока одно, универсальное: «Преодоление чар». Позже дополню его целевыми, чтобы снизить расход маны. Однако практичным это станет с увеличением частоты использования хотя бы до тех же пяти раз. И накоплением неслабого опыта. И знаний сверх имеющихся... Магия весьма разнообразна в своих проявлениях. Кроме того, волшебники часто маскируют одни виды воздействия под другие. Именно с расчетом, чтобы ты растерялся, запутался, неэффективную защиту применил. Ну а с единственным заклом против чего угодно точно не запутаешься.

Третье место в моем личном рейтинге по праву занимала способность к управлению стихиями. Сразу всеми, поскольку Велиар не относился к узкопрофильным божествам, а не владеть стихийной магией вообще при его ранге было немислимо. Во Вселенной Дагора почти любой разумный может развести огонь заклинанием, если к тому нет внешних препятствий и не надо экономить ману на что-то более полезное. Развитый навык позволит в бою подпалить одежду на противнике, или даже сжечь того целиком. Однако это еще не есть управление Огнем. Точно так же каждому доступно заказать у мага одноразовый свиток, и с его помощью вызвать воздушный смерч. Потехи ради, или чтоб врага с ног свалить, — но управлением Воздухом тут и не пахнет. Во всех таких случаях смертные всего лишь используют за мзду неподвластные им в целом силы, как правило, по-крупному переплачивая. Управление — это когда ты лесной пожар останавливаешь, или на море в штить организуешь стойкий попутный ветер, надувающий паруса твоего корабля. Причем обходится тебе это баснословно дешево — особенно учитывая масштабы деяний. А когда мана кончается вовсе, стихии еще какое-то время продолжают тебя слушаться: как бы открывают кредит. Другими словами, разница между использованием и управлением примерно такая же, как при командовании наемниками и вассалами. Наемники служат господину до тех пор, пока он им платит. Вассалы — и после того, как сеньор обнищал. В надежде, что тот свои дела поправит. По велению долга. Из личной преданности...

Когда-то второстепенный гинкмарский божок Журб увеличил мне шансы благополучного преодоления водных преград. И хорошо увеличил. Однако я не получил гарантий, что совершенно точно не утону при переправе хотя бы единожды в год. Или, тем более, свободно пройду по поверхности реки или озера, когда острая потребность возникнет. Теперь вода будет держать меня не хуже земли раз в месяц. Правда, всего тридцать секунд. И раз в полгода я смогу поднять водяной вихрь со сроком жизни от минуты до семи. Чем короче срок задам, тем сильнее получится вихрь. Минутный легко небольшое рыболовецкое суденышко опрокинет. Если доберется до него. Скорость у вундервафли при моих статах окажется невелика.

Огонь отныне разрешает мне создавать до десяти классических файерболов в сутки. Каждый из них при попадании в туловище или голову окажется смертелен для бездеспешного разумного сорокового уровня и ниже. Пять огненных шаров получатся вдвое мощнее. Один — в десять раз мощнее. Как жаль, что он будет лишь один! В воображении я уже видел себя тяжелой огнеметной системой типа «Буратино», только на двух ногах. Возможно, когда-нибудь я ею и стану. А кроме того, смогу порождать огненные лучи, ручьи, ливни, творить оружие и монстров из пламени, и даже сам превращаться в пламя. А также управлять потоками лавы извергающихся вулканов, сочетая магию Огня с магией Земли. И лично вызывать извержения.

«Когда-нибудь» — это когда с Велиаром сравняюсь. Ничего нереального в этом нет. Собственно, каждому игроку изначально предлагается не только сравниться с богами, но и превзойти их. Иначе для чего бы статус Господа Всемогущего придумали.

Так вот: когда я не только эфемера Велиара победю, но и догону в развитии самого Велиара, дружба со стихиями у меня будет гораздо теснее. А пока — да, пока мне от щедрот Огня доступны лишь файерболы, простенькие щиты да слабенькие дожди. Хотя последние можно не только сверху на врага проливать, но и направлять в него горизонтально. Довольно быстро и кучно. Что аналогично выстрелу огненной картечью. И заодно я приобрел такую устойчивость к Огню, какой мне не дали бы и двадцать побед над противницами типа Амриот.

А дальше... Дальше у нас, к сожалению, все по нисходящей.

Электричество готово предоставить мне одну молнию в неделю. Такой силы, что она приведет в чувство самого горького пьянчугу. Тот мигом протрезвеет.

Растительная магия поможет выращивать цветочки в горшках на подоконнике. Но помните — при моем образе жизни затруднительно таскать с собой подоконник!

Земля позволяет стоять на ней несколько тверже, чем среднему смертному.

Воздух дает право дышать им полной грудью...

Да — именно поэтому я ставил замечательную во всех отношениях способность лишь на третье место. Ее слабость заключалась как раз в грандиозности, для смертного неподъемной. Не виделось путей ни плодотворно пользоваться ею сразу, ни развить быстро. Стихийные маги не зря все специализированы...

Прочее лучше было бы вовсе не смотреть, чтобы не расстраиваться. Но я посмотрел. И не смог сдержать печального вздоха. Остальные способности не только имели слишком низкие показатели — они еще требовали для использования таких скиллов, которыми я пока не обладал. Например, чисто божественное качество, позволяющее присутствовать в нескольких местах одновременно, казалось совершенно бесполезным без возможности генерации собственных воплощений, даже неосязаемых. Не так давно я начал экспериментировать с фантомами, которыми можно обмануть противника в бою. Однако они даже близко не воплощения, пусть и способны существовать достаточно долго. Действовать могут лишь по заранее заданному алгоритму, обычно простейшему. Через них ничего не видно и не слышно.

Как организовать свое незримое присутствие где-либо, я вообще понятия не имел, хотя с этим прекрасно справлялась моя скрытая сущность. Впервые она переместила мое сознание в кабинет Генриха Каритекского еще тогда, когда я на пятнадцатом уровне был. Но у нее не спросишь, как она такое сотворила. И да — подслушивая беседу Генриха с Герхардом, я выпал из действительности казармы, в которой физически находился. Сперва вовсе думал, будто заснул. Вряд ли это похоже на полноценное раздвоение. Личность просто бросила тело и отправилась в самоволку.

Не исключено, что в будущем мне как-то удастся подтянуть муде к бороде, то бишь заставить взаимодействовать скрытую сущность с народившейся вездесущностью. Или впихнуть вездесущность в фантомов. Только задачки эти не для первоклассников. И даже не для студентов. С такими вещами вообще поосторожнее надо. А то еще ненароком сам себя развоплотишь. Или начнешь бесконечно делиться, как амеба...

Оторвавшись от созерцания статистики, я открыл карту и набросал приблизительный маршрут до Экситиума. Сильно не старался: позже, наверно, что-то изменить придется. Но пока сойдет... Больше в Срединном Пространстве делать было решительно нечего. Пора опять в медитацию. Во вторую долину. То есть сперва в ущелье...

Глава 2

Из Гинкмара мы выехали среди бела дня и с таким спокойствием, точно катили на ярмарку из деревни в город. Но оргойцы за границей действительно почти не следили, хотя проклятый лес формально принадлежал им. Они объявили территорию своей еще в правление прадедушки Генриха Каритекского, однако ничего не сделали для ее освоения. Их права никто не оспаривал, поскольку кому этот лес был нужен. А вторжение через него в Оргой крупной армией считалось такой авантюрой, что вражеские стратеги рассматривали сию возможность лишь для развлечения, уставая строить реалистичные военные планы.

Эльвейцы стерегли ту же границу несравненно лучше, страшась опасного соседа, который, по их мнению, был способен на все, в том числе и на марш-бросок через Гинкмар. И недавно. Прикажи Бальдур какому-нибудь Тарану сделать это, тот, пожалуй, сделал бы. Правда, потеряв по дороге добрую половину повозок, низкоуровневых солдат и маунтов, — но ему-то что? Тарана в Эльвейском королевстве до сих пор вспоминали с трепетом. И не переставали молиться о том, чтобы безбашенный полководец никогда не вышел из опалы.

Тарс уверял, что нам сильные и многочисленные эльвейские патрули совершенно не угрожают. Контрабандистов они пропускали беспрепятственно, памятуя о недавних тяжелых временах, когда торговцы с юга боялись возить товары в королевство из-за слишком активных боевых действий, а Оргой вовсе практиковал полную экономическую блокаду восточных держав. Разбойничий тракт был тогда одним из немногих исправно функционировавших каналов поставок оружия и продовольствия. Особенно последнего. В том числе гинкмарские крестьяне немало способствовали тому, чтобы многолетний строгий пост населения Эльвейса не перерос в голод.

Слова старшего вскоре подтвердились. Заметившая нас эльвейская конная полусотня подъехала к обозу лишь для веселых приветствий и легкого дружеского выпивона. За счет обоза, конечно, однако более контрабандистам не пришлось пожертвовать ничем. Гатан, Тейтус и я уплатили скромную въездную подать — по одному золотому. Тейтус, помнится, говорил, что в Мадуре кое-где стоверстовые дорожные пошлины больше.

В ближайшем городке я попрощался с попутчиками и повернул на северо-восток. Сначала ехал по графствам и баронствам, не слишком пострадавшим от войны, и все же разница между ними и знакомыми мне цивилизованными землями Оргоя была разительной. Деревушки почти все меньше и беднее: наделы убогие, избы не такие справные. Замки феодалов нечасто могли похвастать стеной вокруг. Мощеные дороги вне городов сходили за диковинку. Зачастую и улицы в самих городах были не мощены, и в дожди раскисали так, что хоть по крышам домов скачи. А там, где об удобствах передвижения заботились, обычно использовали вместо булыжника или брусчатки деревянные торцы, и они после каждого сильного ливня всплывали на поверхность не поспевших в стоки потопных вод.

Постоялые дворы тоже проигрывали в сравнении с оргойскими, и даже тавернами вдоль Разбойничьего тракта. Однако недостаток комфорта и безопасности компенсировался сердечностью хозяев. Я и не предполагал, что заклеившие меня позорной кличкой «тимойский душегуб» пропагандисты Хорингера окажут мне такую услугу: в Эльвейсе подобное прозвище стоило десятка наилучших рекомендаций. Великокняжеский титул вызывал неизменное почтение и у простолюдинов, и у дворян, и у сановников всех рангов. Он полностью покрывал мое преступное прошлое, дурного влияния которого я опасался. А необычный для лиц любого звания и происхождения экзотический статус свободного рыцаря, приобретенный благодаря Джейн, заменял мне родословную. И даже более того. С родословными — всякими, хоть тысячетелными, — народа всюду хватало. Свободные же рыцари в окружающем мире встречались реже королей.

Дополнительно мой имидж улучшала Весточка. В среде эльвейского дворянства существовала давняя традиция иметь вдобавок к большим и практичным питомцам маленьких и непрактичных: попугаев, горностаев, милых глупых обезьянок. Низы, как водится, подражали верхам и в меру возможностей придерживались той же моды. А ведь любое общество благосклонно относится к чужим, следующим его обычаям. Вроде они уже и не совсем чужие, а в чем-то свои. Завершающим штрихом к моему колоритному образу была раса и особое положение в ней. Мало того, что проклятый, так еще и трижды. В совокупности с остальным это не только не отталкивало, но и наоборот, интриговало местных.

Неприятности пришли откуда меньше всего ждал. Исключением из правила неожиданно оказались эльвейские разбойники. Титулы они не уважали. Как и все остальное, чем я мог блеснуть на их родине. В том числе им было пофигу, что я с ними на одних пажитях вскормлен. По крайней мере это касалось банды, где-то через неделю окружившей меня на полуденном привале в тихом лесочке. Я как раз варево готовил, устроившись на живописной поляне, и слегка задумался. Может ведь человек немного расслабиться?

Может. Только поступать так не стоит, когда ты находишься хрен знает где и вокруг бродит хрен знает кто.

Посмотрел я на коллег и понял по встречным взглядам вот это самое: не уважают! Ну и кто тут возьмется учить их хорошим манерам, если не я? Культура всегда с большим трудом прокладывает себе путь в глубинку. И на каждом ее носителе лежит особая ответственность.

— Что ж ты без свиты странствуешь, княже? — насмешливо спросил главарь. — И конь у тебя хороший, и доспехи. А с головой, видать, совсем плохо, коль шатаешься в одно рыло по нашим краям.

— Бывал в краях и похуже, — ответил я, снимая с костра котелок, чтобы варево не подгорело, пока дерусь. — И дураков встречал ядренее вас, хоть и редко. Подумали бы сперва, не слишком ли крут для вашей петушиной команды тот, кто путешествует ничего не опасаясь?

— Ты?.. Крут?.. — заржал главарь. — Сидел здесь, засав глаза и засрав уши, — и крут?

— Размяться на вас захотелось, — бессовестно соврал я, игнорируя справедливую критику. — Одиннадцать обалдуев — самое то материал для битья.

Это главарю уже смешным не показалось. Бандиты вышли на поляну всемером. Остальные засели в кустах под отличной маскировкой, и не думали, что я их так быстро обнаружу. А не мешало подумать. Опрометчивый это подход — ориентироваться на уровень жертвы, и только на него. Даже те, кто ничего не знает о клане Нагибатора и системе прокачки непобедимых, должны держать в памяти, что занижать себе уровни способны довольно-таки многие развитые ребята. А кто так не умеет, может обратиться за помощью к волшебникам. Личины тоже никто не отменял. Как и другие хитрости.

Я считал, что оценил противников более трезво. У главаря был шестьдесят пятый уровень — то есть, формально, на две ступеньки выше моего. Воин-маг, но не шибко продвинутый, а остальные ниже, хотя некоторые вплотную приблизились к шестидесятому. Как, например, кастер банды, стоящий на границе зарослей, готовый отступить под их защиту и прикрытие затаившихся стрелков. Он блокировал порталы на поляне, посчитав, что важнее лишить слишком большой свободы передвижений меня, чем предоставить аналогичную свободу главарю. Пожалуй, мы с Люцифером могли прорваться к магу мощным слаженным броском и прикончить. Но не лучше ли опробовать «Преодоление чар»?

Заклинание сработало. Блокировка не сгнула тихо: о ее кончине оповестил громкий хлопок. Бросив Люцу по мыслесвязи пару коротких фраз, я портировал себя и его в лес, в тыл стрелкам. Сам побежал к одному, конь поскакал к другому. Укокошив их, мы тут же вернулись на поляну, причем наши маршруты пересеклись на вражеском маге. У Люцифера на роге шанфрона болтался убитый разбойник, которого конь не смог сразу стряхнуть, и магом пришлось

заняться мне. Он успел метнуть в меня файербол, урон от которого поглотили доспехи, загородился огненной стеной, обезопасившей его примерно никак, и упал, разрубленный до пояса.

Бросившиеся следом за нами в заросли и тоже повернувшие назад разбойники как раз успели к месту схватки, мешая целиться оставшимся в живых стрелкам. Я накинул кокон страданий на главаря и задействовал способность к телекинезу. Опутанный коварной паутиной и безжалостно терзаемый ею неудачник взлетел вверх на пять метров. Я тотчас перестал его поддерживать — много чести будет! Да и кокон снял, чтобы натянуть на второго по силе воина. Ошалевший от боли главарь с визгом и проклятьями грохнулся на землю. Топ-два повторил его участь. Хряпнув обоим дубиной по головам, я взялся за следующего бандита. Люцифер тоже не зевал: избавившись от трупа на роге, украсил его еще одним трупом. На поляне стало просторно, и продолжавшие сидеть в кустах уцелевшие засадные этим воспользовались, однако их стрелы остановил магический щит. Ну а дальше было уже неинтересно. Добивание шайки стало делом тридцати секунд.

Меня не очень удивило отсутствие у нападавших боевых петов. Случается, что и на компанию побольше не придется ни одного: не редкость. Эльвейскую же страсть к няшным зверушкам разбойники не обязаны разделять. Но где их маунты? Вьючные лошади хотя бы? Все в стане? Тогда стан, видимо, недалеко.

Главарь остался жив несмотря на сокрушительный удар. Посмотрел я на него, и меня одолели корыстные мысли. Если расположенный рядом стан служил бандитам постоянным, а не временным, то и бабло они хранили там же.

— Как тебя зовут? — спросил я, когда главарь пришел в себя.

— А это имеет значение? — удивился он.

Я накинул на него кокон. Чтоб не удивлялся, а отвечал по существу. А то еще, чего доброго, остроумничать начнет.

— Се-е-еле-е-ех! — заорал главарь. — Меня зовут Селех!

— А че вопишь-то так? — поморщился я. — Слышу, не глухой. Рассказывай, где ваш стан... Или нет. Ты сам отведешь меня к нему. Отведешь ведь, не откажешь?

Селех было уперся, но убедившись, что я могу держать его в коконе сколько угодно и никуда не спешу, согласился. Кряхтя и постанывая, стянул шлем с разбитой головы, ощупал ее, замарав руки в крови, и стал снимать доспехи. Закончив, с надеждой покосился на свой пояс с эликами возле груди железа.

— Здесь тебе не медсанбат, — сказал я. — Будешь паинькой — обещаю тебя не убивать и оставить в собственности снадобья для поправки здоровья. И достаточно оружия и брони, чтоб ты не чувствовал себя оципанной индейкой. Но присматривать за тобой мне проще, пока ты беззащитен и полудохлый. Раздоспешивай товарищей. И помни: вздумаешь бежать — стрела тебя догонит. Лук у меня отличный.

Селех выполнил указание. Работа заняла немало времени по причине его слабости. Я наворачивал не доведенное самую малость до готовности, зато ничуть не остывшее еще варево из котелка, осматривал трофеи и выносил вердикт — что беру, что оставляю. Мог бы взять все: во вьюки влезли бы и латы с десяти воинов, и их оружие, и причиндалы мага. Но с моим титулом и снаряжением уже стыдно заявляться к скупщикам с дешевым барахлом. Пока ты беден, подбирай что попадет, хоть потерянные подковы. А разбогател — нечего крохоборничать. Даже кошельки не глядя не бери. Вдруг там ничего нет, кроме медяков, и единственного серебря в заупокойном кармашке, бережно хранимого на помин души? Не заведешь вовремя привычку к разборчивости — когда-нибудь обязательно опозоришься прилюдно.

Взвалив добычу на Люцифера, я погнал Селеха к стану. То есть он сам пошел туда, а мы за ним. Окруженный засекой лагерь действительно оказался рядом: пришлось сделать меньше двух тысяч шагов. Первое, что бросилось в глаза, — столб поклонения из кедрового комля, грубо отесанного под брус. На трех сторонах не слишком умелый резчик изобразил

незнакомых мне демонов и их символы, а на четвертой — Амриот. Так это ты навела на меня банду, красавица? А я Собирателя подозревал! Слишком неслучайным выглядело нападение. Но Собиратель, оказывается, несмотря на свою скотскую сущность, вел себя как истинный джентльмен. И зачем ему вести себя по-другому, когда есть шлюшки для поручений из главной кочегарки Мира Теней? Тебе для организации подянки не пришлось нарушать правил. Жажда реванша за проигрыш в поединке законна. Конечно, можно ее не утолять, и она заглохнет. Но можно попытаться утолить. Ты попыталась...

Часть пространства внутри засеки была отгорожена забором из жердей. За ним сгрудились вокруг копейки свежей травы три лошади не первой молодости. Я забрал двух. Третья — ладно! — пусть остается Селеху, тем паче что она хромая... По каким-то причинам банда предпочитала орудовать пешей, используя животных только для переброски награбленного скупщикам и доставки продовольствия из обитаемых мест. Недостаточная грузоподъемность кляч компенсировалась вьюками вроде моих. Зато на дорогах эти самые клячи не привлекали внимания. Особенно если погонщик бывал обряжен в старенький да худенький кафтан.

Добычи в стане по совокупной стоимости я взял меньше, чем с убитых. В основном — запасные доспехи и оружие. Но ведь программа посещения не исчерпана. К главному мы еще даже не приступали.

— Колись, где спрятан общак! — обратился я к Селеху. — А лучше просто притащи его сюда. Ты ведь уже понял, что мои средства убеждения непереносимы. И расстаться с капиталами все равно придется. Так расстанься с ними легко, без сожалений!

Разбойник с ненавистью посмотрел на меня и направился к тайнику. Тот находился как раз под копейкой в лошадином загоне. Мне досталось около восьмисот золотых. В самый раз для казны уничтоженной банды, но я не удовлетворился:

— А теперь говори, где твоя личная заначка. Не поверю, что ты ничего не откладывал на старость. Но до старости тебе далеко еще — насобираешь по новой.

— Нет у меня ничего! И не было! — решил уйти в несознанку Селех. Потребовался целый час кокона, чтобы его разговорить. Это меня воодушевило. Значит, заначка богатая. Из-за грошей никто не станет так упираться.

Прекратив экзекуцию, я все же выдал разбойнику элик из его запаса. А то он не дошел бы до приметного камня в полукилометре от стана. Или заступ не донес. Или не смог им орудовать.

— Сундучок оставь себе, — сказал я по завершении раскопок, пополнив свой баланс на три с половиной тысячи желтяков. — Вот, я даже туда монетку на развод кину... И полезай опять в кокон!

— А-а-а-а-а!..

— Б-э-э-э-э-э!.. Мошенник! Ты мне очень важного не открыл: кому вы сбывали трофеи. Я хочу навестить этих достойных смертных и продать ваши доспехи именно им.

— Турвор! Мы отвозили все гному Турвору! Он владеет кузницей в предместье Дарлига! На самом отшибе, за часовней для путешественников на Проездной улице!

— Уверен, сей мастер горна и тайных сделок обрадуется мне так, как никому не радовался.

— Освободи меня!

— Щас прям, разбежался.

— Но ты обещал меня не убивать!

— Да, обещал. Однако только это. Мне вовсе не нужно, чтоб ты сквозанул отсюда до того, как я окажусь в Дарлиге. Не думаю, что ты осмелишься на меня напасть, даже из засады. Но ты можешь предупредить Турвора и сорвать мое эффектное появление у него.

Подождав, пока живучесть Селеха приблизится к нулю, я снял с него кокон, забросил пояс разбойника на ближайшее дерево и сказал:

— Достанешь, когда восстановишься настолько, что сможешь лазить по веткам. А пока посиди здесь, прикрывшись ладошкой, чтобы тебя не заметили и не съели мыши. А если все же заметят и съедят, не держи на меня зла. Лишние эмоции помешают прохождению посмертных испытаний.

Сопроводив рекомендацию доброжелательной улыбкой, я покинул стан. Обнаружить персональные нычки убитых разбойников, если таковые у кого-то из них были, я с самого начала не рассчитывал. Селех, конечно, не знал точно, кто из его пацанов чего и где захомячил. Вынюхивать же припрятанное самостоятельно — неделю здесь проторчишь и всю ману истратишь на заклы. И свою, и ту, что в накопителе. Ведь разумный радиус поиска будет метров семьсот. Это охрентеть какой здоровый кусок леса, когда речь идет о защищенных магией тайниках. До вопрошения же мертвых мне как Собирателю душ до жертвенной любви. Эфемер Велиара пока что нужных скиллов не подкинул.

К Дарлигу я приблизился в сумерках, у кузницы Турвора оказался уже в темноте. Самое подходящее время для визита к такому типу. Правда, ночевать потом придется где-то здесь же, в предместье, поскольку городские ворота уже на запоре. Ну и переночую! Постоялые дворы есть всюду. И хоть после захода солнца они принимают путников не с той готовностью, что днем, но принимают.

Я кивнул Люциферу, и конь с расстановкой постучал копытом в дверь дома Турвора — большого, каменного, смахивающего на рыцарский замок. Неплохо нажился гном на перепродажах награбленного — молотом столько не заработать, сидючи у не самой оживленной в королевстве дороги... Внутри послышались шаги. Сквозь щели в ставнях мелькнул огонек свечи. У двери несший ее остановился и забормотал неразборчиво: читал заклинание. Ведь в поздний час небезопасно и «Кто там?» спросить без подготовки. Вдруг демон припожаловал? Или такой упырь, что хуже демона еще будет? Втянет в разговор — и поминай как звали. Сам его впустишь в дом и сам подставишь горло под клыки.

— Открывай, Турвор! — негромко, но внушительно сказал я. — Если б я имел дурные намерения, то давно бы вышиб к черту эту дверь. Но у меня к тебе всего лишь торговое дело. Ты ведь привычен к беспокойству по ночам?

Послышался звук отодвигаемого засова. Еще одного. Еще одного... Мать твою по харе валенком! А подъемная решетка у тебя в прихожей тоже есть?

Дверь распахнулась, и я опустил глаза, чтобы рассмотреть низкорослого хозяина. Он, напротив, задрал голову. И запричитал в несвойственной гномам холопской манере, скалясь подобострастной улыбкой сквозь рыжую бороду:

— О, ваше высочество! Нижайше прошу прощения, что заставил ждать! Так времена-то нынче какие? Скверные времена! И скромному ремесленнику, вроде меня, не грех опасаться всего на свете.

«Долго ж ты жил вне родного народа, — подумал я. — Нормальных гномов перекосило бы от брезгливости, услышь они тебя сейчас».

Тут Турвор заметил за моей спиной бандитских лошадей и опознал их. Охота болтать у него пропала.

— Привет тебе от Селеха, — сказал я, один за другим опорожня набитые добычей вьюки прямо на землю у крыльца. — Видишь, тут и его латы есть, хотя он оставлен мною в живых. Остальные же тем похвастать не могут.

— Не понимаю, о чем вы говорите, ваше высочество!.. — залепетал было гном, но тут же сообразил, что отрицать знакомство с Селехом бесполезно. — Что вы от меня хотите? Я ни в чем не виноват! Я...

Видно, он хотел добавить: «Я не нарушал закон», — или что-то подобное, однако вовремя спохватился и решил меня не смешить.

— Давай уже поговорим по-взрослому, — предложил я, толкнув ногой груды доспехов, чтоб она немного развалилась и стал лучше виден ассортимент. — Ты скупал у Селеха то, что добывал он, а теперь купишь у меня то, что добыл я. Причем не за полцены, и даже не за две трети, а за полную стоимость. Повреждений доспехов замечать вообще не будешь. И за лошадей заплатишь как за молодых. А иначе, клянусь рогами Амриот, я немедля скрочу тебя и утром сдам властям. С Селехом я такую гадость проделывать не стал, а с тобой проделаю: очень ты мне не нравишься. Если же вздумаешь сопротивляться...

Я снял с пояса дубину и продемонстрировал ее Турвору.

— ...Если вздумаешь сопротивляться, я развалю твою кузню и твой дом. В оружии ты разбираешься, и должен понимать, что это не пустые угрозы. Если твои подмастерья вмешаться посмеют на свое несчастье, я их убью. Потом скрочу тебя все равно. Так ты платишь, и мы расстаемся, или не платишь, и мы до утра вместе?

Борода Турвора обреченно поникла. Гном еле слышно зашептал под нос, подсчитывая убытки от предстоящей сделки, нервно помял руки и сказал:

— Позвольте, я занесу трофеи в дом. Чтобы оценить все верно и к вашему удовольствию на улице, придется зажечь факелы. Они будут видны издали. Мне этого не хотелось бы.

Глава 3

На вырученные нечаянно деньги я позволил себе гульнуть: закатился в самую дорогую гостиницу Дарлига, снял самую большую комнату в ней и велел хозяину обеспечить мне лучшие яства и выпивку, что у него есть. И самых красивых девушек, которые только найдутся в городе. Не все же бесплатной любовью пользоваться. Купленная бывает не хуже, а то и горячее, и получить ее не в пример легче — были бы финансы и верное понимание, как следует вести себя с профессионалками панели. Покажи им свое искреннее восхищение, разогрей щедрыми авансами и хорошим вином, не допускай грубостей по ходу переписки и не стыдись делать тонкие намеки на перерастание чисто сексуальных отношений в нечто большее.

Думаете, проститутки привлекает перспектива всю жизнь в постели работать? Да нет, конечно! В основном им хочется в постели спать, как всем остальным. И еще хочется, чтобы муж приносил им в эту постель по утрам завтрак, не доверяя такое приятное и ответственное дело слугам. Тот факт, что девчонок сто раз пытались ловить на эту удочку, смущать не должен. Естественно, они знают, что все твои посулы — бесстыдное вранье. Но верить-то в тихое семейное счастье хочется! И особенно сильно — если это счастье великой княгини или подобной особы. В какой-то момент увлекутся и начнут пахать не за гонорар уже, а в надежде действительно тебя обольстить. Ну и все, собственно. Радуйся и стриги бонусы.

Через трое суток, наглотавшись антипохмельторов, я с трудом дополз до конюшни попроведать забытого Люцифера и сказать ему, что буду отсыпаться еще сутки. И уж потом мы выедем. А то ведь не удержусь в седле, а для ходьбы пешком я не пригоден в принципе. На седьмой день побывал в конюшне опять и повторил обещание. И, наконец, на двенадцатый мы вправду выехали.

До самого обеда меня болтало как новобранца, впервые севшего на лошадь. После обеда тоже, хотя и меньше. Люцифер даже не пытался перейти с шага на рысь и читал мне лекции о вреде страстей, обильно цитируя послания апостолов Всецеркви воинам. Наставления святых отцов сводились к следующему: пока ты бухаешь и трахаешься, ты не качаешься. Точнее, качаешься, но не в нужном направлении. А надо качаться в нужном — только так ты дорастешь до героя, полубога, бога и, наконец, Господа Всемогущего.

— Знаешь, я бы не хотел дорастать до Господа унылым трезвенником с завязанными узлом яйцами, — сказал я. — Пусть пропадет такое всемогущество, если последний нищий успеет в жизни больше меня.

— *Но я тебя к тому и не призываю!* — возразил конь. — *А лишь к умеренности. Двенадцать дней — это чересчур.*

— Я делал перерывы! Дважды! Вчера уже окончательно завязал, а сегодня вообще не считается!

— *Восемь дней — это тоже слишком много.*

— Ну и ладно! Главное, я честно пытался прекратить. А то, что два раза потерпел поражение, — не беда. В последний же раз победил? И победа была решающей.

— *Согласен. И все-таки настраивайся в будущем быть воздержанней. Почитай предания — любой классический пир длился три дня. Это нормально. А что свыше — уже разгул и разврат.*

За Дарлигом стало заметно, что мы приближаемся к бывшей зоне активных боевых действий. Разрушенные замки попадались гораздо чаще, чем уцелевшие или заново отстроенные. Многие пахотные земли пустовали, не производя на свет ничего, кроме сорняков. Крестьяне возвращались на пепелища своих деревень неохотно. Прежние, привычные владельцы феодалов почти все мертвы, а новых каких еще король поставит? К тому же у других дворян прижиться успели — на юге, на востоке страны. Причем как свободные — в том числе и те, которые

раньше зависимыми были. Кабальные книги превратились в дым вместе со сгоревшими господскими усадьбами, но вдруг хотя бы одна всплывет невредимой? Хотя бы единый лист из нее? А на нем как раз твое имя? По всей стране спустя столько времени тебя искать никто не станет: дороже это выйдет, чем ты стоишь. Но самому-то лучше сидеть там, куда судьба привела. И не соваться туда, откуда увела.

Через несколько лет малоуспешных попыток вернуть мужиков в родные края, эльвейский монарх высочайшим повелением даровал волю всем без разбору жителям разоренных областей. Однако переселение от того быстрее не пошло. Еще крепче успели прирасти общины и отдельные семьи по местам вынужденных пристанищ, а пригревшие их бароны всячески противились сокращению своей разросшейся податной базы. Вроде и не нарушали они в открытую королевских указов, запрещающих чинить препятствия желающим уехать. Но и усердия в исполнении предписаний о содействии не проявляли. Что ж нам — самим помогать лапотникам нас покинуть? Да мы лучше им оброк уменьшим! Охотничьи угодья под пашни отдадим!

И отдавали. Действительно отдавали топоры и плугу свято хранимые прежде от любых посягательств заповедные леса и луговины.

Мощную информационную поддержку политике баронов оказывали бродяги всех сортов. Останавливаясь на постой в мужицких избах, они рассказывали такие жуткие истории о прилегающих к Экситиуму территориях, что крестьянские детишки в страхе прятались под столы и лавки. А их родители еле от того удерживались.

И, честно говоря, бродяги не преувеличивали опасностей. Даже невольно преуменьшали. Потому что по самым плохим районам избегали ходить и они. И не знали, что там происходит.

Западные Рубежи Эльвейского королевства выглядели так, словно месяцами находились под огнем тяжелой артиллерии. А ведь я ехал вдоль третьей, наименее пострадавшей линии укреплений. Вторую с уцелевших участков вала не мог разглядеть. Расстояние до нее было таким, чтобы дозорные видели не какие-то фортификационные детали, а дым сигнальных костров днем и их свет ночью. «Стратег» же имел ограничения на использование суперзрения, пока у меня под командованием никто не числился.

Восточные Рубежи Огроя, по слухам, находились в похожем состоянии. Эльвейцы и их союзники изредка, но все же контратаковали — по крайней мере для того, чтобы тем самым мешать атакам Тарана. И пусть не с той же частотой, как он, прорывались в земли врага и жгли все подряд. Короче, я находился в зоне средневекового постапокалипсиса. И чем дальше ехал, тем сильнее сгущалась его атмосфера.

Самыми популярными личностями тут были лекари. Никогда еще не встречал их столько — и странствующих, и стационарно сидящих на одном месте. При каждой таверне их насчитывалось не меньше десятка, и всем находилась работа, что исключало соперничество. Слушая разговоры исцеленных и расспрашивая самих лекарей, я закупался необходимыми снабдочьями. Против ядов разнообразных монстров, зомбаков, животных-мутантов и таких же растений. Против спор гигантских грибов. Против бацилл чумы, холеры, оспы всех разновидностей. Против возбудителей прочих моровых поветрий. Против испарений отравленных водоемов, и прежде всего болот. Против бурой ночной плесени и сизого утреннего тумана. Против еще какой-то херни, для которой даже имени не придумали, а так и называли: «Эта херня».

Хорошо хоть денег хватало, и пока еще с последней добычи — я ж не все их в Дарлиге пропил. В сущности, те развеселые траты по сравнению с практичными текущими были смехотворны. Приобретенные зелья не только откладывались в запас. То и дело приходилось ими пользоваться. А значит — покупать новые.

Меч тоже редко попусту болтался в ножнах, а вскоре без схваток не обходилось ни дня. С монстрами, зомбаками и мутантами. С гигантскими грибами, которые умели не только хищные споры выпускать. Со стаями каких-то вырожденков, похожих на разумных разных рас, но блестящих не разумом, а аппетитом. С бесконечными крысами всех размеров, от обычных до

невероятных, коих, кроме аппетита, отличала еще способность служить переносчиками чумы, холеры, оспы, херни — причем сразу.

Прокрутку медитативных рядов я включал все реже, и наконец вообще завязал с этим. Нечего искушать судьбу — она и так чрезмерно ко мне благосклонна. «Путешествие» тоже перестал использовать, отложив поиски новых «кладов» до лучших времен. Пока удовольствуюсь тем, что само упадет в руки: благо окружающая обстановка и особенно грядущее пребывание в Экситиуме предоставят эфемеру Велиара больше чем надо поводов для активности.

Ночами меня спасал магический круг. Еще лучше помогала собственная чуткость, так как круг задерживал не всех существ, стремившихся в него проникнуть, а лишь таких, для которых приоритетна мана. Постоянно уменьшая потребность в отдыхе, я мог спать не более четырех часов в сутки, или вовсе не спать, а дремать часов шесть. И все же старался останавливаться на ночлег в городах. Там целые кварталы еще лежали в руинах, а бреши в крепостных стенах были залатаны кое-как или совсем не залатаны. Зато в обеспечении безопасности участвовали все мал-мал сознательные жители, а не только стража. Неприятные эксцессы случались все равно, иногда — с многочисленными жертвами, однако я пока о таковых лишь слышал. Ни разу не участвовал. Тем паче не становился жертвой.

Как раз в одном из городов я заподозрил, что за мной следят. Вскоре был почти уверен в этом. Два воина-мага и высокоуровневый кастер, остановившиеся в той же таверне. Все — люди. На разбойников не похожи. Какого черта им надо?

В следующем городе отпали последние сомнения: троица опять встала на постой по соседству. При вселении, прямо у меня на глазах, к ней присоединились еще два кастера. Подобный состав для банд вообще необычен.

Когда сидели в обеденном зале, компания вроде на меня и не глядела. Я тоже старался делать вид, что посторонние меня не интересуют. Но тщательно срисовал в память всех пятерых. Что-то у них было общее...

Поразмыслив, я пришел к выводу: они внешне похожи. Так, как бывают похожи друг на друга типичные представители одного народа. И не пришлось строить гипотезы, что это за народ. Тимойцев я видел достаточно еще в Оргое, при освобождении меня ими из каритекской тюрьмы. А в Эльвейсе они встречались если не на каждом шагу, то через шаг. Купцы в основном, и прочие временно пребывающие. Однако некоторые жили постоянно, и бизнес вели. Не только торговый, но и ремесленный. Что же до тайной агентуры, то ею королевство было нашпиговано по самое не хочу. Впрочем, секретность тимойцам приходилось здесь соблюдать ровно настолько, чтобы не раздражать чрезмерно местных присутствием запредельного числа чужих шпионов. А так-то нормально все — союзники же. Давние, надежные, проверенные. И вынюхивая оргойских диверсантов, норовящих проникнуть в Тимой обходными путями, они заодно приносили немалую пользу эльвейским службам безопасности, осведомляя их обо всем, что полезно таким службам знать.

В третьем городе к моему непрошеному эскорту добавился еще один кастер. Ну, это уже слишком!.. Я так удивился, что не сразу понял: последний прибывший носит личину. Остальные — нет, точно нет. А он — да. Причем плохую. А уровень у него семьдесят пятый. Должен был сделать лучше! Гораздо лучше! На помойке подобрал ее, что ли?

Признаюсь, я немного занервничал. Конечно, последний тимоец — это старина Дон. Или, полным именем, Дондрейденкур, бывший резидент своей державы в Каритеке, набравший с момента нашего знакомства четыре уровня. И он хотел, чтобы я его узнал. Ибо не существовало других причин, по которым крутой волшебник мог напялить на себя такое говноизделие, какое он напялил.

Испытав острое желание кому-нибудь излить душу, я пошел на конюшню. А куда еще было идти? В ближайший храм Всецеркви на исповедь? Говорят, помогает. Но не в том же случае, когда задумал убить шесть человек.

Люцифер чинно потреблял овес из торбы. Весточка ему помогала, — а то вдруг приятель без нее не справится с порцией. Оба выглядели счастливыми. Сейчас испорчу вам обед!

— У нашего конвоя пополнение, — сказал я. — Догадайтесь, кто прибыл.

Весточка скромно чирикнула, отказываясь напрягать умственные способности во время еды. При этом она выронила зернышко, которое держала в клюве, и ей пришлось нырнуть в торбу за новым. Люц покосился на меня, не прекращая жевать. Он с самого начала был в курсе слезки за нами, и мы с ним уже обсуждали, что делать. Однако блестящих предложений никто не внес, а неблестящие приняты не были.

— *Раз группу возглавил сам Дон, значит, только его и ждали для решительных действий,* — сказал конь.

— Да, — согласился я. — Теперь уже нет места предположениям, что ребятам всего лишь любопытно, чем я занят и куда направляюсь. Они точно собрались захватить меня и увезти на свою родину. Но сперва хотят выяснить, нельзя ли обойтись без силовых акций. Не подойду ли я к ним сам? Ситуация-то сейчас совсем не та, что была в нашу первую с Доном встречу. С его точки зрения, с моей славой мне прямая дорога в Тимой. Я же там сразу национальным героем стану! Богатство и все привилегии обеспечены. Внимание первых красавиц высшего общества. Место за королевским столом по правую руку от монарха... Только присягу принеси, как гарантию лояльности и сотрудничества. И на всю жизнь в шоколаде. Такой вот я ценный парень. И это тимойцы пока не знают о моей начинке из Велиара. А когда узнают, мой рейтинг вообще улетит в небеса.

— *Не исключено, что они знают. Но это безразлично. Ты ведь не поедешь в Тимой. Сколько выгодных предложений, прямых или косвенных, ты уже отклонил? Сколько выигрышных вариантов оставил без внимания?*

— Я не считал.

— *И какой у нас план?*

— Выехать из города завтра утром. Устроить засаду в подходящем месте. Перебить всех тимойцев, которых получится перебить. Уцелевшим сказать, чтобы больше не приставали.

— *Они сильнее нас. Гораздо сильнее. И у них слишком много магов, всех способностей которых ты не знаешь.*

— Команде Дона и ему самому будет очень мешать намерение меня повязать. Это несколько нас уравнивает. Внезапность нападения уравнивает еще больше. А до утра я обязательно еще что-то хорошее для нас изобрету.

Люцифер задумался. Даже овсом хрустеть забыл. Но вот начал снова и сказал:

— *Дон мог это учесть. И способен сделать хитрый ход: убить тебя и вытащить из Мира Теней уже в Тимое.*

— Как это? — изумился я. — Не слышал о надежных способах повернуть что-то подобное.

— *Надежных и нет. Но если Дон убедится, что пленить тебя не получится, он может рискнуть. Убив, принесет покаяние по любому подходящему обряду, посмертно с тобой побратается и совершит ритуальное самоубийство. После которого окажется в Мире Теней неподалеку. Причем в роли спасителя, явившегося вернуть тебя в Срединное Пространство. Узлы кровного братства невероятно крепки. Они на многое дают право, а рвутся нелегко.*

— Вряд ли это законно — такая гнусность, как абсолютно лживое покаяние и насильственное братание с покойником.

— *Конечно! А часто ли ты видел строго законные действия со стороны кого-то в нашем мире или своем? Когда темные хотели заполучить тебя с помощью жезла предназначения — это было законно? Когда ты сам превратил Эгланана в Онуфрия все тем же жезлом — это было законно?.. Впрочем, рассуждаем мы сейчас не совсем верно. Я хочу сказать...*

— Я понимаю. Сам виноват — неточно выразился. Все вышеперечисленное именно гнусно. Однако формально никто ничего не нарушал и не нарушит. А чтобы нарушить, необязательно творить гнусности. Можно совершить нечто прекрасное и правильное, и поплатиться так, как ни один злодей не поплатится.

— *Бесспорно.*

— Ладно — оставляем замыслы тимойцев в отношении меня без моральной оценки. Сосредоточимся лишь на самих замыслах. Точнее — на степени их осуществимости. Ты считаешь, что они осуществимы.

— *Не сомневайся! Тимойская школа магии — одна из самых сильных на Аусанге, хотя ее последователи не слишком многочисленны. А главный ее покровитель — Хонор, у которого на тебя зуб. Пусть не такой, как у Собирателя, но демоны ничего не забывают. И Хонор не забыл поражения на Треугольной площади. Оно было тем унижительнее, что нанесли его именно вы: мальчишка-воин, едва освоившийся с мечом и луком, и почти такой же неопытный мальчишка-маг. Хонор наверняка поможет тимойцам тебя захватить. Однажды он уже содействовал им в этом — именно тогда, в Каритеке. Нельзя же считать случайностью его нападение на рекрутов, с которыми ты шел! В свете произошедшего позднее только такое объяснение и следует признать правильным.*

— То есть в тот раз со мной уже пробовали сделать то, о чем мы говорим? Убить в одном месте и выгащить с того света в другом?

— *Так могло быть. А как было на самом деле, я не знаю. Я лишь хочу, чтоб ты держал в голове: если сегодня Дон поймет, что добровольно ты в Тимой не поедешь, завтра он может даже не пытаться взять тебя живьем. Состав его группы идеален не только для пленения кого-либо. Но и для сложных ответственных священнодейств*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.